

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В ВИЗАНТИЮ

И.В. Денисова

**Белгородский государственный национальный
исследовательский университет**

В статье представлен начальный процесс переселения славян, в том числе по территории Византийской империи. Движение славян на юг определялось сложными процессами их социального развития, военно-политической организации, выходом их на рубеж перед достижением цивилизации.

Ключевые слова: славяне, Греция, переселение, Византия.

FROM THE HISTORY OF THE SLAVIC MIGRATIONS TO BYZANTIUM

I.V. Denisova

Beigorod National Research University

The paper presents the initial process of resettlement of the Slavs, including the territory of the Byzantine Empire. The movement of the Slavs to the south is determined by complex processes of social development, military-political organization, the output of the line before reaching civilization.

Key words: slavs, Grees, relocation, Byzantium.

Процесс расселения славян представляет большой интерес для исследователей. На основании свидетельств латинских писателей¹ уже в I в. н.э. можно говорить о наличии славян в южнорусских степях и Причерноморье. О венетах уже с первых веков нашей эры говорится как об одном из наиболее многочисленных славянских племен.

Нападали славяне на Византию в первый период, который может быть прослежен по источникам, совместно с другими народами и племенами. Славяне входили в состав более крупных объединений гепидов, гетов, авар и совместно с ними разоряли богатые области империи. Часто славяне двигались в составе кочевых или полукочевых племен, которые искали новые пастбища, хотя сами славяне уже вели сельское хозяйство.

Задолго до VI в. славяне располагались к северо-востоку от Дуная и делились на две ветви: западную, носившую название склавен, или славян, и восточную, называемую антами. Анты, по сообщению Прокопия Кесарийского², занимали области к северу от Азовского моря и вдоль р. Дон. Гот Иордан, писавший на латинском языке, сообщает, что от р. Вислы на необозримых пространствах поселилось многолюдное племя венетов. Хотя названия их меняются теперь в зависимости от различных племен и местностей, но главным образом они именуются склавенами (славянами) и антами. Название венетов сохраняется за славянскими племенами и в VI в.³ Многолетние поиски археологического эквивалента антов не привели к однозначным выводам. Археологические культуры того времени отражают полиэтничный характер обществ.

Основные сведения о внутреннем быте славян находим у Прокопия Кесарийского. В III книге своего сочинения «О готской войне» он пишет: «Славяне и анты не имели единой государственной власти, они имели общенародное правление, народные собрания, сходы, на которых совещались по всем военным вопросам»⁴. При первых встречах с Византией «они ходили в бой пешими, были вооружены лишь метательными копьями, дротиками и имели щиты». Свои жилища они располагали, используя природную защиту, в лесных районах, у рек, стоячих озер, болот. На случай опасности их жилище имеет несколько выходов.

Уже в очень раннее время можно говорить о земледелии и скотоводстве у славян как об основных занятиях. Они располагали сельскохозяйственными продуктами, особенно много было у них проса и ячменя. На широкое распространение скотоводства указывает, например, тот факт, что в жертву своим богам они приносили волов. Богатство славянских поселений подтверждается рядом свидетельств. Так, упоминается Ардагаст, князь славунской страны, где процветало земледелие⁵.

Социальный строй древних славян в VI в. представлял собой вождество. Славянские князья, их вожди и военачальники названы рядом византийских источников. Известны имена вождей Ардагаста, Пирагоста, князя Даврита, князя Лавриты, посла Мезамира и брата его Калагаста, князя Акамира⁶. К моменту, когда Византия вошла в тесное соприкосновение со славянами, их устройство соответствовало вождеству. Именно это наблюдал Прокопий Кесарийский у славян и антов⁷. Военные походы славян сопровождалась грабежами и пленением больших масс населения.

Массовое пленение населения в завоеванных славянами областях было связано с потребностью в рабочих руках. Рабство, несомненно, имело место, но не получило широкого распространения, что наложило известную печать на общественный строй древних славян.

В VI в. созревают ранние формы государственного устройства славян, в VII в. можно с уверенностью говорить о больших и дифференцированных государственных образованиях у славян.

Новый интерес к истории ранних славян пробудила вышедшая из печати в 2001 г. книга ассистент-профессора Университета Флориды Флорина Курты «Становление славян: история и археология Нижнего Подунавья. 500-700 гг. н.э.»⁸. По поводу этой книги в России высказалось уже немало специалистов (М.И. Жих, П.В. Шувалов, С.А. Иванов, Н.И. Петров и др.).

Слово «making» в названии книги может быть переведено и как «создание», и как «становление». Принимая во внимание выводы Ф. Курты, русский перевод этого слова следовало бы дать как «создание». Однако, с учетом многозначности данного словосочетания (создание кем?) более приемлемым, вызывающим более отчетливые тематические ассоциации, оказывается «Становление славян».

Отметим, что Курта во многом повторяет идею Я.Ф. Фальмерайера, впервые высказанную им как своего рода реакцию на образование независимого Греческого государства в 1830 г.

При постановке вопроса, каким образом, и при каких обстоятельствах сформировалась славянская этничность, автор допускает возможность формулировки в несколько ином аспекте: кем была сформирована славянская этничность⁹?

В своей книге Ф. Курта разграничивает два понятия: 1) этничность (ethnicity) как таковая, являющаяся «формой социальной мобилизации, использованной для того, чтобы достичь определенных политических целей»¹⁰; 2) введенный в научный оборот Энтони Смитом французский термин *ethnie*, подразумевающий общность, основанную на сформировавшемся ранее культурном своеобразии. В качестве невербального средства выражения этничности (т.е., в материальной культуре) рассматривается так называемый «символический стиль», содержащий отчетливую информацию о политическом единстве и самостоятельности определенной группы населения, причем эта информация сознательно адресована непосредственно данной группе. Важ-

ную роль играет подготовленный Ф. Куртой критический сравнительный обзор сведений письменных (в первую очередь - византийских) источников о славянах, однако, в отечественной науке есть более основательный справочник В.П. Будановой¹¹, включающий не только славян.

Особенно важным представляется одно из наблюдений Ф. Курты: в большинстве текстов, современных рассматриваемому периоду, отражены сведения, полученные «из вторых рук». При этом стоит отметить, что на раннеславянские древности археологи, как правило, смотрят, так сказать, глазами византийских авторов, вольно или невольно рассматривая подобные тексты в качестве адекватного отражения этнокультурной исторической реальности.

Историк рассматривает и имеющиеся в письменных текстах характеристики славян, а также контекст их упоминания. Актуальным для дальнейших выводов исследования является следующее различие, отмеченное Ф. Куртой: если Прокопий Кесарийский, описывая славян 540-х гг., не упоминает лидеров тех или иных группировок, то в 570-580-е гг. ситуация меняется, и мы знаем ряд вождей славян по именам. Наиболее же значимым выводом, основанным на тщательном сопоставлении данной группы письменных свидетельств, является признание термина «скламены» исключительно византийской конструкцией, описывающей «ощущение сложной конфигурации *ethnies* по другую сторону северной границы империи»¹². При этом, как справедливо отмечает автор, «византийские критерии классификации этнических групп значительно отличались от наших»¹³. Соответственно, и славянская этничность выступает в качестве своего рода «инвенции византийских авторов»¹⁴.

Ф. Курта детально изучает процесс реализации программы Юстиниана - строительства Балканской оборонительной системы, представлявшей собой три взаимосвязанные линии фортификаций, - завершенные в целом вскоре после 540 г. Основываясь на археологических свидетельствах, автор справедливо не склонен связывать разрушение Дунайского лимеса с восстанием Фоки и единовременным вторжением славян на Балканы - многие укрепленные пункты были разрушены (или, по крайней мере, существенно повреждены) в различное время, еще во 2-й половине VI в.¹⁵

Историко-культурная ситуация, сложившаяся к VI в. по другую сторону Дунайского лимеса - на территории Карпатской котловины и в степях Северного Причерноморья - отражена в археологическом обзоре о варварах на дунайской границе в VI в.¹⁶ Особый раздел посвящен аварской археологии. Характеризуя археологические материалы, Ф. Курта приходит к выводу об отсутствии фенотипического выражения сформировавшегося этнического своеобразия тех или иных групп населения, «тем не менее, своеобразие конструируется через манипулирование определенными категориями артефактов». Ценность каждой такой категории в наименьшей степени зависит от ее происхождения, а от социальных стратегий, реализуемых теми, кто использовал данную категорию¹⁷.

В качестве средства «конструирования» этнического своеобразия Ф. Курта рассматривает пальчатые фибулы, обращая внимание на то, что, таким образом, использовавшие эти фибулы женщины оказываются проводниками идеи социальной самобытности. При этом подчеркивается, что пальчатые фибулы не были славянскими сами по себе (не являлись выражением сформировавшегося этнического своеобразия). Но использование таких артефактов могло быть способом «получения доступа в группу населения, известную византийским авторам как славяне»¹⁸.

Важным представляется вывод Ф. Курты о том, что раннеславянская этничность не основывалась на языковой общности. При этом он справедливо замечает, что сам этноним «славяне» появляется гораздо позднее и лишь на периферии славянского ареала. «Создание славян, - пишет Ф. Курта, - явилось не столько результатом этногенеза, сколько итогом инвенции, воображения и систематизации византийских авторов. ... Это была... самобытность, сформированная в тени Юстиниановых крепостей... Имеются существенные основания утверждать, что эта самобытность была значительно более сложной, чем дублет «скламены – анты» навязанный византийской письменной традицией. ... Первое отчетливое самоутверждение «мы – славяне» происходит из «Повести временных лет» XII в. Этой летописью завершается процесс создания славян...»¹⁹.

С выводом об отсутствии языковой общности славян все же трудно согласиться, поскольку он противоречит последующей этнической истории славян именно как языковой общности.

Отметим, что подход Ф. Курты к археологическим материалам достаточно перспективен. Автор исследует этнокультурные процессы, оперируя не столько археологическими культурами, традиционно именуемыми в литературе славянскими²⁰, сколько конкретными предметными воплощениями определенных культурных традиций (в данном случае - пальчатыми фибулами). Обращение к реальным индикаторам этнокультурного своеобразия оказывается гораздо более перспективным, чем использование сложившихся штампов - археологических культур, зачастую отражающих в первую очередь сформировавшиеся среди археологов стереотипы восприятия тех или иных групп древностей, а не историко-культурные реалии²¹.

Таким образом, встреча двух миров в VI в. на Балканах – славянского и позднеантичного византийского – оказалась неизбежной в ходе последнего этапа Великого Переселения народов. Движение славян на юг определялось сложными процессами их социального развития, генезисом их военно-политической организации, выходом их на последнюю фазу «варварства» и рубеж перед достижением цивилизации.

Империя этого времени медленно трансформировалась в средневековую Византию, еще сохраняя множество позднеантичных реалий и категорий. Сам период поздней античности в широких рамках (до начала VII в.) предстает как сложный и разнонаправленный феномен с элементами как континуитета, так и дисконтинуитета. Главным элементом континуитета была восточно-римская государственность, императорская власть, армия, прочие государственные институты.

Отношения с внешними варварами продолжали составлять важнейшую часть политики и всей жизни империи, ее «глобальной стратегии». Дунайская граница империи, издавна выполнявшая роль как барьера, так и контактной зоны, была исходным рубежом, с которого начались миграции славян на территорию империи. Именно здесь было нарушено геополитическое равновесие не в пользу империи.

Балканские провинции империи, прежде всего, Греция, уже испытали к этому времени первые волны Великого переселения народов, но сохраняли еще важное культурное значение и авторитет родины античной культуры. Греции предстояло столкнуться с новым врагом, несшим ей разрушение и разорение.

Примечания:

1. Тацит. Германия: *Tac. Germ.*; Плиний Старший. Естественная история: *Plin. Maj. Hist. Nat.*
2. Прокопий Кесарийский. История войн: *Proc. Hist. BG III. 14, 22.*
3. Antoljak S. *Unsere «Sklavinien» // Actes du XIIe Congrès international d'études byzantines. Ochride, 10-16 septembre 1961. Belgrade, 1964. P. 9-13.*
4. Прокопий Кесарийский. История войн: *Proc. Hist. BG III. 14, 22.*
5. Агафий. О царствовании Юстиниана: *Agath. III, 6.*
6. Менандр. Фрагменты Истории: *Menandr. Hist. fr. 34, 36.*
7. Прокопий Кесарийский. История войн: *Proc. Hist. BG III. 14, 22.*
8. Curta F. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500-700. Cambridge - New York, 2001. 422 p.*
9. Подробнее см.: Жих М.И. К проблеме этнического самосознания ранних славян: по поводу работы Флорина Курты // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия Гуманитарные науки. Вып. 3. 2010. С. 138-151.
10. Curta F. *The Making of the Slavs. P. 34.*
11. Ср.: Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. С. 359.
12. Curta F. *The Making of the Slavs. P. 118-119.*
13. *Ibid. P. 119.*
14. *Ibid.*
15. Ср.: Иванов С.А. «В тени Юстиниановых крепостей»? Ф. Курта и парадоксы раннеславянской этничности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2(4). С. 5-15.*
16. Ср.: Овчаров Д.С. Византийски и болгарьски крепости, V-X век. София: БАН, 1982. 171 с.
17. Curta F. *The Making of the Slavs. P. 225.*
18. Curta F. *The Making of the Slavs. P. 310*; Петров Н.И. Этничность древних славян: Историческая реальность или инвенция византийцев? Обзор монографии Флорина Курты «Становление славян» // Университетский историк. Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 193-196.
19. Curta F. *The Making of the Slavs. P. 349-350.*
20. См.: Curta, Florin. *Pots, Slavs and «imagined communities»: Slavic archaeologies and the history of the early Slavs // European Journal of Archaeology. Vol. 4. Num. 3. December 2001. Sage Publications. P. 367-384.*
21. Шувалов П.В. Изобретение проблемы (по поводу книги Флорина Курты) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2008. № 2(4). С. 14-20.*